

Е. М. Царёва

**Необходимое издание:
Ройзман Л. И. Литературное наследие**

Е. М. Tsaryova

**Necessary Publication:
Review on the book by L. Roizman Literary Legacy**

*М*узыканты и любители музыки, особенно те, кого не оставляют равнодушными звуки органа, учителя, которым доверено музыкальное воспитание детей и юношества, все, кому небезразлична культура прошлого и настоящего, должны знать об имени и делах человека, чье литературное наследие собрано в этих трех книгах. Леонид Исаакович Ройзман (1915—1989) оставил глубокий след на земле. Его страстному энтузиазму отечественная культура обязана мощным внедрением органного искусства: строительством органов и заботой о них во многих городах Советского Союза, введением обучения на этом древнейшем инструменте во многих учебных заведениях, созданием той атмосферы благоприятствования, без которой невозможно плодотворное развитие органного дела. Этому же способствовали его собственные блистательные концертные выступления, его лекции об органе и органном искусстве, рецензии на концерты иностранных гастролеров и отечественных исполнителей, статьи в журналах, научные работы и, конечно же, педагогическая деятельность в Московской консерватории. Особое место принадлежало изысканиям по истории органного дела в России, подведению фундамента под великое строительство отечественной органной культуры, которому посвятил свою жизнь Мастер.

Обо всем этом читатель получит полное представление, обратившись к предлагаемому изданию. Оно охватывает все литературное наследие Л. И. Ройзмана, за исключением ранее изданных книг — капитального труда «Орган в истории русской музыкальной культуры» (первое издание — Москва, 1979; второе, переработанное и дополненное, — Казань, 2001) и небольшой монографии «Органная культура Эстонии» (Москва, 1960). «Литературное наследие» состоит из трех томов, материал которых расположен по хронологическому принципу. Сюда входят статьи, публиковавшиеся в журналах, газетах, научных и научно-методических сборниках, предисловия к нотным изданиям, выхо-

дившим под редакцией Леонида Исааковича, рецензии на концерты и на книгу Я. И. Мильштейна о «Хорошо темперированном клавире» И. С. Баха. Хронологический принцип расположения работ дает возможность проследить развитие научной и педагогической мысли Л. И. Ройзмана на протяжении почти полувека. В конце третьей книги приводится ряд неопубликованных материалов: полный текст диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, защищенной в 1946 году, а также статьи «Орган Большого зала Московской консерватории» (1975) и «Заметки о советской органной культуре» (1976). В тексте диссертации содержатся: программа исполнительской части диссертации и ее теоретическая часть «Некоторые вопросы органного исполнительства», включающая очерк об органной музыке в России от начала XX столетия, краткое описание органа Большого зала Московской консерватории и исполнительский анализ Прелюдии и фуги Д. Букстехуде *fis-moll* и Фантазии и фуги на тему *B-A-C-H* Ф. Листа; статья 1976 года является фактическим продолжением и развитием мыслей диссертации.

Однако указанными темами не исчерпывался круг интересов и сам круг деятельности Леонида Исааковича. Через все три книги проходит тема музыкального воспитания детей и юношества, которое осуществляется на фортепианных отделениях музыкальных школ и училищ (сейчас последние именуется обычно колледжами). В контакте с педагогами-пианистами Л. И. Ройзман, сам начавший свою трудовую жизнь с работы в училище при Московской консерватории, находился постоянно. Многие из статей на эту тему написаны в форме вопросов и ответов (вопросы действительно задавали преподаватели во время бесед с Леонидом Исааковичем). Это помогает ясно определить, что именно интересовало собеседников. Вопросы касаются и «постановки» руки у начинающих, и полифонического репертуара, и решения задач воспитания будущих профессионалов и просто любителей музыки, и погони за лауреатством, и самих отношений,

возникающих между учителем и учеником, и многого другого. Отдельная группа вопросов связана со спецификой старинной музыки: способами расшифровки мелизмов, особенностями инструментария XVIII века, авторскими указаниями темпа и характера музыки и т. п. Думается, что хотя некий общий уровень знаний в области музыкальной культуры этой эпохи несколько вырос по сравнению со временем деятельности Л. И. Ройзмана, известной путаницы в подобных проблемах стало, может быть, еще больше, и его ясные и простые (но отнюдь не упрощенные) суждения о них, всегда опирающиеся на глубокие знания, ничуть не утратили своей ценности. Я уже не говорю об этическом смысле его размышлений о воспитании учеников или о характере самих педагогических принципов, связанных с приоритетом поисков подхода к личности ученика над категоричностью следования, например, неким собственным (или общим) правилам в выборе темпа при исполнении произведения.

Специальный корпус образуют статьи, которыми Л. И. Ройзман сопровождал нотные издания, вышедшие под его редакцией (клавирные сочинения И. С. Баха, Генделя, Гайдна). Это еще одна область его деятельности, с которой теснейшим образом связаны те же вопросы исполнения старинной музыки, ее инструментария, а также тех жанров, которые фигурируют в соответствующих изданиях. К сожалению, такие издания вышли уже несколько десятилетий тому назад, и следовало бы, скорее всего, их возобновить. Тем более ценно появление упомянутых статей в «Литературном наследии», из которых я особенно бы выделила чрезвычайно содержательную статью о клавирном творчестве Генделя, до сих пор очень скупо освещенном в русскоязычной литературе. Работа над редакцией токкат И. С. Баха (1973) вызвала к жизни одну из лучших научных статей Леонида Исааковича — «Заметки о некоторых клавирных произведениях И. С. Баха, особенно о токкатах» (1976).

Большой интерес вызывает издание «Хрономатической фантазии и фуги» И. С. Баха («Му-

зыка», 1967), в котором публикуются четыре редакторских версии произведения: оригинальная, в то же время снабженная указаниями темпов, динамических оттенков, расшифровкой мелизмов и аппликатурой, принадлежащих Л. И. Ройзману, и гораздо более свободно вмешивающиеся в авторский текст версии выдающихся пианистов прошлого: Г. Бюлова, Ф. Бузони и А. Зилоти. В своем Предисловии Л. И. Ройзман говорит о приближении этих вариантов к транскрипции, причем к транскрипции органных произведений.

Здесь мы встречаемся с еще двумя сквозными темами, постоянно занимавшими автора. Одна из них связана с проблемами музыкальной текстологии, которая в последнее время оформилась в особую отрасль музыковедения (за рубежом она существует уже давно) и которая, в частности, занимается вопросами различных типов издания авторского текста. Л. И. Ройзман столкнулся с этой темой при изучении клавирных произведений И. С. Баха, прежде всего высказав свое отрицательное (и вполне обоснованное) отношение к редакции «Хорошо темперированного клавира», а также инвенций и симфоний, осуществленной в свое время Карлом Черни. Именно этому вопросу посвящена самая первая статья Л. Ройзмана — совсем еще юного студента консерватории, опубликованная в 1940 году. Впоследствии, когда у нас распространились издания подлинных текстов Баха (Urtext), Леонид Исаакович сформулировал свою позицию о необходимости различать собственно научные и инструктивно-педагогические издания, предназначенные в первую очередь педагогам и ученикам. Сам он создавал редакции исключительно корректные в отношении авторского текста и в то же время удобные для педагогической практики. Основанные на глубоком знании эпохи и всего творчества И. С. Баха, они, конечно, несут в себе элемент собственной интерпретации и, будучи тщательно обоснованными, вместе с тем не претендуют на «истину в последней инстанции».

Другая тема, тесно соприкасающаяся с предыдущей, — тема транскрипции. Обозначу

две ключевые мысли автора: 1) сам И. С. Бах постоянно занимался транскрипциями, перекладывая, например, оркестровые концерты Вивальди для клавира или собственные произведения с одним составом исполнителей для другого состава; 2) исполнение на современном рояле не только органных сочинений Баха, но и клавирных является, по существу, тоже транскрипцией, поскольку инструменты, для которых они предназначались, были совершенно иными. Этим Л. И. Ройзман доказывает принципиальное право транскрипций на полноценное существование — конечно, в случае их мастерского выполнения. Указанная тема фигурирует и в его педагогических беседах, и во многих статьях: ей посвящены, в частности, вступительная статья к изданию прелюдий и фуг Баха — Листа и статья о баховских транскрипциях С. Фейнберга — одного из высоко ценимых Л. И. Ройзманом бахианцев.

Читатель, вероятно, уже понял, что своеобразной осью, на которой вращался мир Леонида Исааковича — художника, ученого и человека, была музыка Иоганна Себастьяна Баха, никогда не угасавшая любовь к ней... Она и ее творец вдохновляли всю его деятельность, наполняли ее живым и горячим чувством, которое звучало и в исполнении баховских сочинений, и в работе над их редактированием, и в беседах или статьях о них. Пылкость ума ученого, побуждавшая его к тщательному изучению литературы, далеко не всегда доступной в советские времена, прекрасное знание эпохи, сочинений предшественников и современников Баха только умножали безграничное восхищение его творениями. Чувство и мысль образовывали полную гармонию и не подавляли, а наоборот, воспламеняли друг друга.

Не забудем и о любви к органу, о доскональном знании его сложнейшего механизма, об идее распространении органного дела в России. И тут снова возникает имя И. С. Баха. Одна из самых обстоятельных статей Л. И. Ройзмана, написанная для журнала «Советская музыка» в год 300-летия со дня рождения Баха, носит название «К истории баховского наследия

в России» (1985). Здесь автор предстает как историк отечественной культуры, обращающийся в своих изысканиях к архивным материалам, старым изданиям и не ограничивавшийся при этом известными собраниями библиотек и хранилищ Москвы и Петербурга, а пользовавшийся каждым случаем, дававшим возможность узнать, как обстояло дело в провинции.

Но есть еще одна тема, не затронув которую, мы не составим правильного представления о Леониде Исааковиче и, в конце концов, не поймем смысла предлагаемых книг. Это тема Учителя и учеников, имеющая значение и для постижения творчества И. С. Баха, и для понимания всей деятельности Леонида Исааковича, его сущности как человека. Один из самых ярких образов «Литературного наследия» — образ Александра Фёдоровича Гедике, любимого учителя, чьи органные концерты открыли московской публике глубину и силу воздействия органной музыки, необходимость ее присутствия в современной музыкальной жизни. Замечательно рассказывает автор об отношении Мастера к инструменту Большого зала Московской консерватории, о том, как он заботился о нем как о живом человеке в тяжелые годы войны. С большой теплотой написаны воспоминания об Александре Борисовиче Гольденвейзере, опровергающие довольно распространенное мнение о нем как о несколько сухом и педантичном человеке (любопытно, что сходным образом воспринимали самого Леонида Исааковича те люди, которые не имели счастья близко общаться с ним). Леонид Исаакович нашел слова благодарности и своему педагогу по фортепиано Борису Михайловичу Медведеву, у которого он занимался до поступления в консерваторский класс А. Б. Гольденвейзера.

Наверное, если бы такую же любовь и признательность к Учителю не сохранили ученики самого Леонида Исааковича, то не появились бы на свет эти три тома «Литературного наследия», издание которых посвящено его памяти. Их составила и подготовила к публикации Наталья Владимировна Малина, заведующая органной мастерской и педагог Московской

консерватории, настоящая наследница своего учителя в преданности делу органного искусства. Большое содействие в выходе в свет предлагаемого издания оказал и другой ученик Л. И. Ройзмана, крупнейший органист, преданный своему инструменту ректор Казанской консерватории Рубин Кабинович Абдуллин.

Теми же чувствами любви и благодарности проникнута прекрасная статья Рувима Островского «О трудах и днях Леонида Исааковича Ройзмана», открывающая первый том. Здесь раскрывается духовный мир замечательного человека, музыканта, ученого и педагога, значение и смысл всей его многогранной деятельности, в частности, его литературных трудов. Органично дополняют портрет Учителя две небольшие статьи С. Будкеева о музыкально-критической деятельности Леонида Исааковича. В «Литературное наследие» вошли также комментарии Р. О. Островского к последней работе Л. И. Ройзмана «Иоганн Себастьян Бах и проблемы нашего педагогического сегодня». В них автор очень убедительно соотносит некоторые положения этой статьи (в основном она написана еще в 1980-е годы) с современным состоянием изучения старинной музыки.

Остается только пожелать, чтобы с мыслями и делами Л. И. Ройзмана познакомилось как можно больше читателей, которые найдут в нем интереснейшего собеседника и действительно прекрасного человека.

Т. А. Старостина

**Чтения памяти С. В. Смоленского.
Хоровое искусство и современность**

Т. А. Starostina

**Conference in memory of S. V. Smolensky.
Choral Art at the Present Time**

8 —10 октября 2014 года в Казанской государственной консерватории (академии) им. Н. Г. Жиганова прошла международная научная конференция «Чтения памяти С. В. Смоленского. Хоровое искусство и современность». Ныне «Смоленские чтения» уже стали традицией: первая аналогичная конференция состоялась два года назад, а проведение следующей планируется в 2016 году. Данный проект осуществляется при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Российского гуманитарного научного фонда.

Организация Смоленских чтений в Казани знаменательна. Во-первых, один из основоположников русской медиевистики С. В. Смоленский начал свою научную и преподавательскую деятельность в Казани, в стенах инородческой семинарии. Во-вторых, просветительские и миссионерские начинания Смоленского в полной мере осознаются в Казани, важнейшем полиэтническом и многоконфессиональном культурном центре. Кроме того, проблемы хорового искусства решаются здесь на самом высоком профессиональном уровне: кафедра хорового дирижирования Ка-

занской консерватории со времен С. А. Казачкова по праву считается одной из сильнейших в стране.

Нельзя не упомянуть и более общую, самую существенную тенденцию: научной школе Казанской консерватории свойственна исключительная широта охвата проблем. В центре изучаемой тематики неизменно стоит евразийская в своей основе идея смысловой и масштабной соизмеримости различных культурных факторов — восточных и западных, мусульманских и христианских, национальных и общероссийских. Подобный принцип во многом согласуется с политическими установками руководства Республики Татарстан.

Прошедший год определил новое приоритетное направление деятельности Министерства культуры РФ — развитие хоровой культуры в современной России. Соответственно, у хормейстеров появились непростые творческие, методические и организационные задачи, которые требуют своего осмысления и решения. Связанный с этим комплекс вопросов занял существенное место на недавних Смоленских чтениях.

Участники первых Смоленских чтений представляли разные регионы России. География Чтений оказалась еще шире: здесь были представители Франции, Румынии, Москвы, Ростова, Саратова, Самары, Костромы, Ульяновска, Майкопа, Ижевска; самая большая

группа участников представляла Казань. Среди докладчиков присутствовали лица духовного звания — протоиерей Александрель (Барнеа), философ, теолог и церковный музыкант из г. Яссы (Румыния) и протодиакон Александр Кедров, потомок известной регентской династии, регент Архиерейского хора собора св. Александра Невского в Париже.

Пленарное заседание сразу выявило широкую панораму обсуждаемых проблем. В самом общем плане определились несколько магистральных тематических направлений: деятельность и наследие С. В. Смоленского; пути эволюции отечественной хоровой культуры — профессиональной, самодеятельной, церковно-певческой; хоровая культура в контексте отечественной истории; актуальные вопросы хорового и регентского дела в современной России; отечественное хоровое образование; композиторская хоровая музыка разных стилей; диалектика музыкальных и духовных аспектов хорового пения.

С приветствиями к участникам и гостям конференции обратились проректор КГК по научной работе А. Л. Маклыгин (он подчеркнул значение наследия С. В. Смоленского для музыкально-научной школы Казани) и заместитель начальника управления гуманитарных наук Российского гуманитарного научного фонда Н. Г. Денисов, ознакомивший аудиторию с направлениями деятельности фонда за двадцать лет его существования.

В выступлениях российских докладчиков фигура С. В. Смоленского предстала в различных ракурсах: Л. А. Лицова (зав. кафедрой хорового дирижирования Саратовской консерватории) акцентировала его укорененность в музыкальных традициях русской провинции; С. С. Калинин (зав. кафедрой хорового дирижирования Московской консерватории) обрисовал общую картину становления хорового образования в Синодальном училище и МГК, отдав должное Смоленскому как сподвижнику С. И. Танеева, вдохновителю С. В. Рахманинова и наставнику А. Д. Кастальского. В. Г. Лукьянов (зав. кафедрой хорового дирижирования

Казанской консерватории) сосредоточился на истории казанских хоровых ассамблей, их профессиональном и просветительском значении. С. А. Тараканов (Ростовская консерватория) поделился размышлениями хормейстера-практика: основное внимание он уделит хоровому пению как музыкальному воплощению идеи соборности, незримой, но важной связи хорового пения с общественными процессами.

В центре внимания оказались доклады иностранных гостей. Протоиерей Александрель (Барнеа) остановился на вопросах истории и национальной специфики румынской духовной музыки, рассмотрев пение в широком богословском и литургическом контексте. По окончании доклада о. Александрель сам исполнил небольшое монодийное песнопение в мелизматической манере, что было тепло встречено аудиторией. Протоиерей Александр (Кедров) поделился воспоминаниями о старших представителях своего рода (эмигрантах первой волны), сопроводив доклад архивными аудиозаписями мужского Квартета Кедрова. Надо отметить, что о. Александр, прекрасно владеющий русским языком, с огромным интересом слушал все доклады, живо общался с российскими коллегами, активно участвовал в импровизированном совместном пении духовных песнопений, сетовал на нехватку тесных связей с родиной.

Тематика чтений была распределена между четырьмя секциями: «С. В. Смоленский и современная хоровая культура», «Духовно-певческое искусство», «Теория и практика хорового исполнительства», «Хоровая композиторская музыка». В то же время обсуждаемые вопросы частично «перетекали» из одной секции в другую и, как правило, значительно расширяли круг обсуждаемых проблем. В частности, целый ряд докладов был посвящен организации хоровых фестивалей — их истории, воспитательной и просветительской функции, принципам менеджмента, перспективам развития. Эти аспекты рассматривались в докладах В. П. Леванова (Казань), Н. Г. Денисова (Москва), Н. В. Смирновой (Кострома). В несколь-

ких докладах шла речь о конкретных научных новациях С. В. Смоленского — развитии им широкодоступной цифровой нотации («циффри») для певчих-инородцев (А. Л. Маклыгин, Казань), исследовании им кантов и псалмов (А. Г. Гокина, Самара), его разработке принципов перевода богослужебных текстов на инородческие языки (А. Т. Гумерова, Казань), научным трудам начального, казанского периода его жизни (И. Г. Козлова, Казань). В. Д. Булгаков (Казань), опираясь на документальные источники, обрисовал непростые обстоятельства работы С. В. Смоленского в Московской консерватории.

Проблемы духовно-певческого искусства неизменно обсуждались на чтениях с учетом исторической перспективы и социокультурного контекста: как светское хоровое искусство, так и церковно-певческая практика сегодня сталкиваются с трудностями, которые во многом были знакомы самому Смоленскому и его последователям. В то же время обозначились и совсем новые задачи. О насущных нуждах современного регента говорили С. И. Хватова (Майкоп) и А. А. Иванов (Казань). В докладе Хватовой были затронуты наиболее болезненные вопросы: несовершенство современной системы регентского образования, сложность смены поколений певчих, недостаток тембровой культуры у лиц, поющих в провинциальных храмах. Иванов затронул всегда актуальную тему критериев молитвенного церковного пения. Творческий путь малоизвестного ныне казанского регента И. С. Морева проследил Ю. С. Карпов (Казань), о современном составе и концертной практике Квартета Кедрова рассказала И. В. Кривошеева (Ульяновск), родство высотной организации русской протяжной песни и обиходных песнопений проанализировала Т. А. Старостина (Москва), А. А. Бетина (Казань) представила содержательный и благоговейный рассказ о регентском служении недавно ушедшего из жизни архимандрита Матфея (Мормыля).

На секциях, посвященных теории и истории хорового исполнительства и хоровой композиторской музыке, преобладали молодые до-

кладчики, в том числе аспиранты и студенты, которые часто не уступали своим старшим коллегам в новизне содержания и логике построения своих сообщений. Некоторые доклады имели монографический характер: аудитории были представлены очерки жизни и творчества автора хоровых обработок татарского фольклора А. Х. Абдуллина (Т. Р. Шагиахметов, Казань), мордовского композитора и фольклориста Г. И. Сураева-Королева (А. Б. Гринин, Казань). К истории русского хорового искусства обратились Ю. С. Семёнова (Казань), охарактеризовавшая хоры в операх на либретто Екатерины II, и Д. И. Топилин (Казань), проследивший становление идей В. Ф. Одоевского и Ю. К. Арнольда в области хорового дела как основы национальной музыкальной культуры. М. Л. Платонова (Самара) и Е. А. Дыганова (Казань) углубились в методические проблемы освоения хоровой партитуры как образной, текстовой и музыкальной целостности. Н. С. Телкова (Москва) разъяснила композиционно-технические премудрости додекафонного хорового письма А. Вустина. Е. Н. Ханнанова (Ижевск) сосредоточилась на ладовом своеобразии кантаты «Магия пентатоники» Ю. Толкача. О. В. Кушнир (Москва) предложила свое толкование религиозной символики в хоровых сочинениях В. Мартынова.

Информативным и весьма эмоциональным оказался Круглый стол, который аккумулировал все основные проблемы чтений на более высоком «витке спирали». Наиболее животрепещущей была единогласно признана проблема образования, в том числе и хорового. Участники чтений единодушно пришли к выводу, что состоявшееся общение не только позволило обсудить острые вопросы, но и породило новые, ждущие своего решения.

Чтения памяти С. В. Смоленского включали в себя богатую культурную программу. Так, 8-го октября после заседания участники имели возможность поклониться чтимому списку Казанской иконы Божьей Матери и послушать пение мужского хора Казанского Богородицкого монастыря под управлением Д. А. Рогова (пре-

подавателя кафедры хорового дирижирования Казанской консерватории). Вечером 9-го октября в Большом концертном зале им. С. Сайдашева состоялся концерт консерваторского хора и оркестра под управлением Лео Кремера (Германия), в чьем исполнении прозвучали сложнейшие сочинения А. Брукнера — Месса f-moll и Te Deum. Молодой коллектив был тепло встречен публикой и удостоился самых высоких похвал профессиональных хормейстеров — участников чтений.

Кульминацией культурной программы стал последний день, 10 октября. Посетив могилу С. В. Смоленского на Арском кладбище, участники чтений отбыли на остров-град Свияжск. Ныне это уникальный архитектурный комплекс, в центре которого возвышаются храмы действующего Богородице-Успенского Свияжского мужского монастыря, а вокруг них расположились обновленные музейные и жилые постройки, выполненные в стиле XIX века. Нашим гидом был регент монастырского хора Павел Елисов. По его инициативе в главном соборе монастыря почти все члены нашей группы поднялись на хоры и, повинуясь душевному порыву, удивительно слаженно пели богослужебные песнопения — как многоголосные, так и знаменные. А те, кто остался внизу, в полной мере насладились мастерским молитвенным пением и великолепной храмовой акустикой.

Нельзя не высказать своего восхищения организацией чтений: она, как всегда в Казанской консерватории, исключительно продуманна. Можно с уверенностью назвать Смоленские чтения в Казани успешным и перспективным проектом, поскольку они способствуют решению самых насущных ныне проблем культурного просвещения и духовного укрепления российского общества.